

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

А.И. Лычагин, И.Д. Комаров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена особенностям тайваньского вопроса с учетом особого положения острова в современной системе региональной и мировой политики. Специфика отношений двух берегов Тайваньского пролива, внутривнутриполитическая борьба, позиция Вашингтона в Юго-Восточной Азии, региональные и трансрегиональные интеграционные процессы формируют модель взвешенного взаимодействия.

Неизменный вектор политики КНР в отношении острова, формирование новой концепции международной деятельности Тайваня — «жизнеспособная дипломатия», изменение инвестиционных потоков США в Тайвань в периоды нахождения у власти Гоминьдана и ДПП — отдалают перспективу силового решения вопроса двух берегов. Сложность, с которой сталкивается руководство той или иной лидирующей партии Тайваня, определяется структурным различием их программ по отношению к материковому Китаю.

В XXI в. высокую эффективность демонстрируют экономические инструменты, применяемые КНР для реинтеграции острова. Наиболее приемлемым с точки зрения сближения противоположных сторон с учетом долгосрочной перспективы является создание преференциальных условий торгово-экономического сотрудничества. Эта модель применяется Пекином как на региональном, так и на трансрегиональном уровне.

Авторы приходят к выводу, что экономика Тайваня, тесным образом связанная с материковым Китаем, дополняет общецивилизационный посыл о единстве ханьцев и их праве на цивилизационное доминирование в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китайская Республика, Тайвань, КНР, США, торгово-экономическое взаимодействие, иностранные инвестиции, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия

С формально-правовой точки зрения только государства — члены Организации Объединенных Наций обладают субъектностью в международных отношениях. Тем не менее существует определенное количество территорий и образований, которые не являются членами ООН или потеряли свое место там в ходе исторического развития. Многие непризнанные образования обладают следующими признаками государства: территорией с охраняемыми границами, правом, армией и полицией, институтами власти и механизмами их формирования, развитой экономической, финансовой и налоговой системами, поддержкой населения. К таким образованиям относится и Китайская Республика (о. Тайвань), непрекращающиеся дискуссии о статусе которой составляют суть так называемого тайваньского вопроса (тайваньской проблемы).

ПОТЕРЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ

Положение Китайской Республики отличается от других непризнанных образований. В истории ее развития был период полной субъектности, дипломатического признания и членства в ООН. С 1971 г. Китайская Республика потеряла

свое место в организации, и зона ее международной правосубъектности последовательно сокращается. Тайвань становится частично признанным государством с латентной субъектностью. Разрыв дипломатических отношений большинства стран с Тайванем свидетельствовал не о полном прекращении связей, а только об ограничении таковых до экономических и гуманитарных, исключая политические.

Эти перемены были вызваны влиянием на мировое сообщество со стороны коммунистического Китая и следованием последнего «политике одного Китая» в отношениях с любым государством — членом ООН. Суть политики заключается в том, что дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой возможны исключительно при отсутствии таковых с Тайванем. Сторону КНР приняли Соединенные Штаты Америки и их стратегические союзники — страны Западной Европы, Канада, Австралия, Япония и другие, чей вес в мировом сообществе традиционно высок. Выбор был продиктован не только особенностями мировой политики, но и экономическими интересами.

Советский Союз и другие социалистические страны установили дипломатические отношения с КНР в начале 50-х гг. и признавали только Китайскую Народную Республику в качестве единственного легитимного представителя всего китайского народа. Российская Федерация последовательно продолжает советскую политику в отношении тайваньского вопроса.

Таким образом, участь Тайваня как официального субъекта международного права была предопределена. Однако зачастую речь идет о формальной стороне данного вопроса. Помощь острову и всестороннее участие в его жизни со стороны как Вашингтона, так и его союзников не уменьшилась [Morrison, Kan 2014]. Яркий индикатор — телефонный разговор президента США Дональда Трампа с Цай Ин-вэнь, президентом Китайской Республики, 2 декабря 2016 г. Д. Трамп сообщил в «Твиттере»: «Президент Тайваня мне позвонила сегодня, чтобы поздравить меня с победой на президентских выборах»¹.

«УМНАЯ СИЛА» ТАЙВАНЯ

Со времени образования и вплоть до сегодняшнего дня Китайская Республика проводит активную международную деятельность, направленную на защиту безопасности, обеспечение стабильности и процветания, а также расширение международного пространства². В связи с официальным признанием Тайваня лишь рядом стран (19 государствами — членами ООН и Ватиканом) международная (дипломатическая) деятельность имеет ограничения и сконцентрирована исключительно вокруг союзников. В отношении прочих субъектов международных отношений акцент сделан на консульском, экономическом и гуманитарном направ-

¹ Дипломатический скандал после телефонного разговора Трампа с лидером Тайваня. Режим доступа: <http://www.golos-ameriki.ru/a/trumps-call-with-taiwan/3621679.html> (дата обращения: 13.01.2017).

² Конституция Китайской Республики. Режим доступа: <http://law.moj.gov.tw/Eng/LawClass/LawAll.aspx?PCode=A0000001> (дата обращения: 13.01.2017).

лениях, сотрудничество в которых осуществляется через многочисленные представительства Тайваня.

Китайская Республика обладает широким ассортиментом инструментов «мягкой силы»: демократические идеи, права человека и культура, которые в сочетании с экономической и торговой мощью создают так называемую умную силу. Как отмечают представители острова в этой связи: «И Гоминьдан, и Демократическая прогрессивная партия посредством «умной силы» превратят Тайвань в «основателя мира», «поставщика гуманитарной помощи», «промоутера культурного обмена», «создателя новых технологий и бизнес-возможностей» и «знаменосца китайской культуры», что позволит повысить наш национальный имидж, международный статус и влияние, а также позволит нам внести существенный вклад в обеспечение стабильности и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹.

В условиях либерализации глобальной торговли правительство КР через двусторонние и многосторонние каналы продолжает продвигать подписание соглашений об экономическом сотрудничестве с основными торговыми партнерами. Тайвань сотрудничал с членами Транстихоокеанского партнерства до того, как Д. Трамп заявил о выходе США из этого соглашения. И все же первостепенным вопросом лидеров Пекина и Тайбэя остается создание единого рынка Восточной Азии при участии Японии, Кореи, стран АСЕАН, а в перспективе — России [Mikheev 2001].

В области гуманитарного сотрудничества Тайвань добился значительных успехов. В качестве примера решения региональных споров, подчеркнув при этом свое миролюбие, республика предложила странам Азиатско-Тихоокеанского региона и всему мировому сообществу «Мирную инициативу в Восточно-Китайском море». Она призывает защищать региональный мир, укреплять позиции Тайваня через международные платформы и СМИ независимо от восприятия истории, географии или международного права теми или иными его субъектами и в отношении чего бы то ни было. Будь то острова Дяюйдао (Сенкаку), Наньша (Спратли), Сиша (Парасельские), Чжунша и Дунша или любая другая суша или акватория.

Между материком и островом было подписано немало документов по экономическому и гуманитарному сотрудничеству, налажено авиасообщение. Туристические поездки на Тайвань стали одним из основных маршрутов материковых китайцев.

СТРАТЕГИЯ «ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ ДИПЛОМАТИИ»

Как отметил в своем докладе «О внешней политике» министр иностранных дел КР Линь Юн-лэ на 5-й сессии 8-го созыва Законодательного Юаня 12 марта 2014 г., правительство острова продвигает политику «жизнеспособной дипломатии», придерживаясь принципов «достоинства, самостоятельности, прагматизма и гибкости». Такая политика, по мнению выступающего, «...способствовала соз-

¹ Доклад министра иностранных дел Линь Юн-лэ о внешней политике на 4-й сессии 8-го созыва Законодательного Юаня 25 сент. 2013 г. *Отдел планирования политики Законодательного Юаня* (дата обращения: 28.11.2013).

данию эффективного периода примирения между двумя сторонами пролива и проведения жизнеспособной дипломатии, а также укреплению дружеских отношений как с дипломатическими союзниками, так и со странами, с которыми нет формальных связей, и расширила наше международное пространство»¹.

Стратегия «жизнеспособной дипломатии» бывшего президента Ма Инь-цзю² оправдала себя. В отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива противостояние сменилось сотрудничеством. Контакты на уровне двусторонних институтов стали более частыми. Улучшение отношений двух берегов приветствовалось и администрацией США [Saunders 2005]. Победная точка была поставлена на встрече президента Ма Инь-цзю и председателя Си Цзиньпина 7 ноября 2015 г., на которой они отметили, что «...следует твердо придерживаться совместного осуществления великого возрождения китайской нации. Мы за несколько десятилетий прошли исторический период развития, который большинство государств мира проходило в течение нескольких сотен лет. Я верю, что в деле осуществления великого возрождения китайской нации действительно не может не быть соотечественников с Тайваня»³.

Анализ изменения расстановки политических сил на Тайване в совокупности с анализом внешнеэкономической сферы позволяет определить вектор развития региональной политической ситуации (в условиях применения КНР стратегии «мягкая политика, жесткая экономика»), а также оценить экономическую парадигму сближения Пекина и Тайбэя в условиях лидерства ДПП в 2000—2008 гг. и после 2016 г. (изменение — сближение — сохранение статус-кво китайско-тайваньских отношений) [Bush 2015].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Политическая жизнь Китайской Республики определяется противоборством партий Гоминьдан, выступающей за усиление (нормализацию) взаимоотношений с материковым Китаем, и ДПП, ратующей за большую самостоятельность острова [Малявин, Чэнь Цзявэй 2012: 128]. Период руководства представителя Гоминьдана Ма Инь-цзю (2008—2016 гг.) характеризуется политикой налаживания сотрудничества и постепенного политического сближения Тайваня с материком.

Напротив, в период Чэнь Шуй-бяня (2000—2008 гг.) проведена пропагандистская деятельность, снижающая качество отношений КР с материковым Китаем. Искусственная эрозия культурно-национальных ценностей способствовала фор-

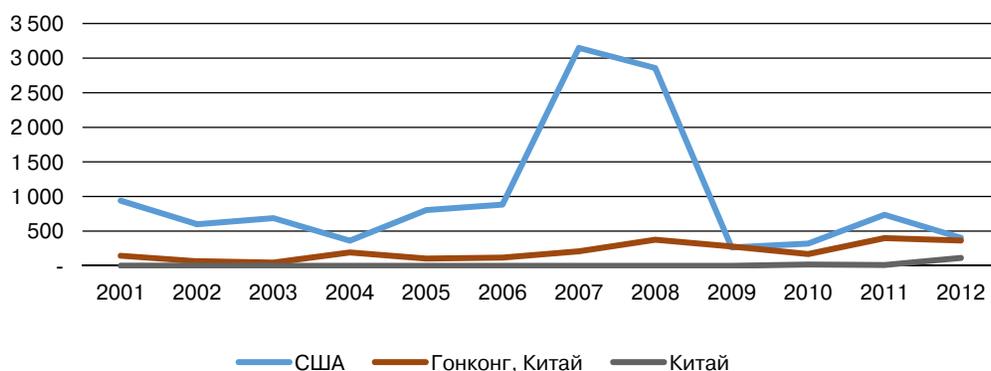
¹ Доклад министра иностранных дел Линь Юн-лэ о внешней политике на 5-й сессии 8-го созыва Законодательного Юаня 12.03.2014. Режим доступа: http://www.mofa.gov.tw/News_Content.aspx?n=052449DD01A26E24&sms=DF52F83A5B7D2A47&s=A6FB3AFD85E869D4 (дата обращения: 12.04.2014).

² Китайские фамилии и имена передаются в пекинском чтении иероглифов, принятом в китайско-русских словарях, в традиционной русской системе транскрипции, разработанной русскими китаеведами П.И. Кафаровым (Палладием) и В.П. Васильевым, т.е. имя в КНР пишется слитно, а на Тайване — через дефис.

³ Жэньминь Жибао. 08.11.2015.

мированию нового образа идентификации тайваньского населения среди молодежи, в среде которой стал прослеживаться антикитайский настрой.

В то время приток капитала из США достиг максимальной отметки (см. рис. 1). Более того, финансовые вливания сразу после выборов в 2001 г. были выше, чем в 2002 г. (2001 г. — 940 млн долл. США, 2002 г. — 600 млн долл.). В этом проявляется поддержка ДПП и лично Чэнь Шуй-бяня Вашингтоном и необходимость упрочения позиций нового президента в первые годы после выборов. В предвыборном 2003 г. также имело место увеличение притока инвестиций из США [Wu 2009].

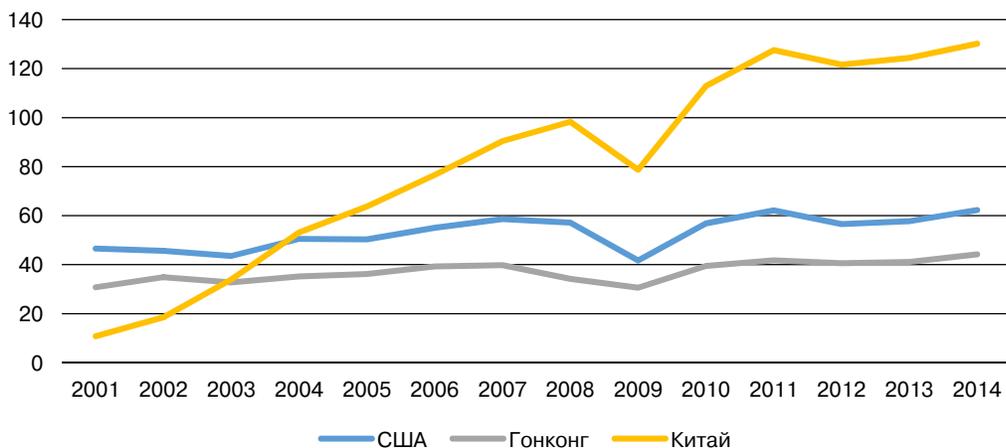
Рис. 1. Приток капитала на Тайвань из КНР, Гонконга, США в млн долл. США / **Fig. 1.** The inflow of capital to Taiwan from China, Hong Kong, the United States in million USD

Источник / Source: United Nations Conference on Trade and Development¹

Однако пиковое значение американских капиталовложений приходится на 2007 г., когда они выросли почти пятикратно. Данная динамика выявляет проблему сокращения безоговорочной поддержки ДПП населением в пользу Гоминьдана, что заставило США тратить значительно больше на поддержку Тайваня в условиях нагнетания напряженности в отношениях с КНР. В год очередных выборов (2008 г.) масштаб инвестиций США снизился до 2,857 млрд долл. США и уже в 2009 г. (на выборах 2008 г. победу одержала партия Гоминьдан) составил 264 млн долл.

Внешнеторговый оборот Тайваня с США (см. рис. 2) сохранял незначительный рост (до 2014 г.) с 2001 г. с небольшими флуктуациями (2001 г. — 46,543 млн долл., 2003 г. — 43,548 млн долл.). В год президентских выборов 2008 г. на Тайване внешнеторговый оборот упал до 57,117 млн долл. (в 2007 г. тот же показатель составлял 58,585 млн долл.), в 2009 г. — первый полноценный год президентства Ма Инь-цзю — индикатор упал до 41,706 млн долл. с последующим постепенным ростом [Chai 2008]. В 2014 г. данный показатель составил 62,288 млн долл.

¹ United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed: 13.01.2017).

Рис. 2. Внешнеторговый оборот Тайваня с КНР, Гонконгом, США в млн долл. США / **Fig. 2.** Taiwan's foreign trade turnover with China, Hong Kong, the United States in million USD

Источник / Source: United Nations Conference on Trade and Development¹

Показательно, что в те же самые периоды внешнеторговый оборот Тайваня с КНР имел противоположную динамику, что обусловлено постепенной нормализацией отношений «двух берегов» и стремлением Пекина к диалогу. По мнению ряда экспертов, это является свидетельством использования экономических механизмов как средства политического воздействия Пекина на Тайбэй. К 2008 г. рассматриваемый показатель составил 98,273 млн долл. с последующим ростом и в 2014 г. — 130,158 млн долл. (если суммировать с долей внешнеторгового оборота Тайваня с Гонконгом, данный показатель возрастает до 174,375 млн долл.). 2008—2016 гг. — период президентства Ма Инь-цзю, чья политика была направлена на нормализацию отношений с материком.

***

Приведенный анализ позволяет увидеть политическую обусловленность торгово-экономических отношений Пекина и Тайбэя. Изменение и углубление сотрудничества Тайваня с КНР способствует росту экономических преференций для острова. Пекин стремится к формированию мирного диалога для экономического взаимодействия, превращая деловые отношения в рычаги налаживания политических отношений «двух берегов», т.е. безусловное доминирование экономической составляющей при потенциальном объединении Тайваня и КНР [Салицкий 2003].

Китайская Народная Республика за последние 4 года нахождения у власти на острове Гоминьдана (2012—2016 гг.) осуществила прорыв в отношениях с Тайванем, и прежде всего в торгово-экономической сфере. Огромное количество тайваньских компаний разного масштаба и направленности интегрированы в экономику КНР. Размещенные на материке их производства подпадают под юрисдикцию его гражданского, и не только, права. Разорвать это глобальное слияние, даже

¹ United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctadstat.unctad.org/EN/Index.html> (accessed: 13.01.2017).

гипотетически, представляется недостижимой задачей в существующих условиях. По крайней мере, без неприемлемого для тайваньской стороны ущерба и с исключением разработки проектов силового присоединения острова [Верченко 2010, 2014; Ларин 2012; Трифонов 2010]. Китайские прямые и косвенные инвестиции уже стали безальтернативным элементом экономики «острова», и масштабные радикальные изменения со знаком минус будут чреваты глобальным экономическим дефолтом для Тайваня.

С другой стороны, с гуманитарной точки зрения, невозможно игнорировать тот факт, что многие интеллектуалы с острова разделяют посыл материка об общем единстве цивилизации ханьцев и наличии у них исключительного права претендовать на безусловное доминирование как минимум в Юго-Восточной Азии, а то и в Азиатско-Тихоокеанском регионе на основании их, ханьских, культурно-нравственных приоритетов, выпестованных ими же самими на протяжении тысячелетий [Балакин 2013: 224—225; Васильев 2012]. И это цивилизационное доминирование должно превалировать над внутрикитайскими (Китайская Народная Республика — Китайская Республика) социально-политическими разногласиями, длящимися всего-то несколько десятков лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Балакин В.И.* Тайвань в системе восточноазиатской интеграции КНР // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 223—231.
- Васильев Л.Е.* Юго-Восточная Азия: США и Китай — от соперничества к противостоянию // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 87—99.
- Верченко А.Л.* Возвращение Гоминьдана: некоторые итоги // Современный Тайвань. 2010. Вып. 11 (19). С. 24—37.
- Верченко А.Л.* Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // Общество и государство в Китае: XLIV науч. конф. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2014. С. 281—291.
- Ларин А.Г.* Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 13—26.
- Малявин В.В., Чэнь Цзявэй.* Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 118—129.
- Салицкий А.И.* КНР — Тайвань: перспективы экономической интеграции // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с КНР: Сб. мат. науч. конф. ИМЭМО. М.: ИМЭМО РАН, 2003. С. 49—53.
- Трифонов В.И.* Пекин — Тайбэй: перспективы диалога // Современный Тайвань: Справ.-аналит. мат. 2010. Вып. 11 (19). С. 38—54.
- Bush R.* Taiwan's January 2016 Elections and Their Implications for Relations with China and the United States. The Brookings Institution, Asia Working Group. Paper 1, December 2015. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/taiwan-elections-china-us-implications-bush-FINAL-2.pdf> (accessed: 12.05.2017).
- Chai W.* Taiwan's 2008 Elections and Their Impact on U.S.-China-Taiwan Relations // Asian Affairs. 2008. Vol. 35. No. 2. P. 83—92. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/AAFS.35.2.83-94>.
- Mikheev V.* Mainland China — Taiwan relations in the light of globalization // Проблемы глобализации Тайваня: Мат. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 20—30.

Morrison W.M., Kan S.A. U.S.-Taiwan Relationship: Overview of Policy Issues. Congressional Research Service Report. December 11, 2014. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41952.pdf> (accessed: 12.05.2017).

Saunders P.C. Long-term Trends in China-Taiwan Relations: Implications for U.S. Taiwan Policy // *Asian Survey*. 2005. Vol. 45. No. 06. P. 970—991. DOI: 10.1525/as.2005.45.6.970.

Wu J.S.-Y. Economics, Lobbying, and U.S. Congressional Support for Taiwan: Buying American Support, 2002—2006 // *Asian Survey*. 2009. Vol. 49. No. 2. P. 380—402. DOI: 10.1525/as.2009.49.2.380.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: *Лычагин А.И., Комаров И.Д.* Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 3. С. 530—538. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538.

Сведения об авторах: *Лычагин Александр Иванович* — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского (e-mail: kaf.vostok@mail.ru).

Комаров Игорь Дмитриевич — соискатель Казанского (Приволжского) федерального университета, инженер-лаборант Центра экспертизы и комплексного анализа Института международных отношений и мировой истории ННГУ, заместитель директора Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (e-mail: igor.komarof@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538

THE TAIWAN QUESTION: EXTERNAL AND INTERNAL DETERMINANTS

A.I. Lychagin, I.D. Komarov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article is devoted to peculiarities of the Taiwan question, given a special position of the island in the modern system of regional and international relations. The specificity of the relations between the two shores of the Taiwan Strait, the domestic political struggle, a unique position in the regional system of Southeast Asia, regional and transregional integration processes provide a model for well-balanced interaction.

Constant vector of the PRC's policy towards the island, the formation of a new paradigm of Taiwan's "viable diplomacy", the change of investment flows of USA to Taiwan in periods of ruling of Kuomintang and DPP — distance the prospect of a military solution to the issue of the two shores.

The difficulty faced by one or the other leading party of Taiwan is determined by the structural differences in their programs relative (a key parameter) to mainland China. In the twenty-first century PRC demonstrates the high efficiency of economic instruments for reintegration. In addition to the restrictions, from the point of view of convergence of opposite sides, and, given the long-term prospects, most acceptable is the creation of preferential terms of trade and economic cooperation. This model is applicable by Beijing at the regional and transregional levels.

The authors conclude that Taiwan's economy closely connected with mainland China complements the civilizational message of the unity of the Han and their right to civilizational dominance in Southeast Asia and the Asia-Pacific region.

Key words: the Republic of China, Taiwan, China, the United States, trade and economic cooperation, foreign investment, the KMT, the Democratic Progressive Party

REFERENCES

- Balakin, V.I. (2013). Taiwan in the system of East Asian integration China. In: *China in world and regional politics. History and the present. Vol. XVIII*. Moscow: IFES RAS, p. 223—231. (in Russ.).
- Bush, R. (2015). *Taiwan's January 2016 Elections and Their Implications for Relations with China and the United States*. The Brookings Institution, Asia Working Group. Paper 1. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/taiwan-elections-china-us-implications-bush-FINAL-2.pdf> (accessed: 12.05.2017).
- Chai, W. (2008). Taiwan's 2008 Elections and Their Impact on U.S.-China-Taiwan Relations. *Asian Affairs*, 35 (02), 83—92. DOI: <http://dx.doi.org/10.3200/AAFS.35.2.83-94>.
- Larin, A.G. (2012). Cooperation of the Taiwan Straits: progress, problems, prospects. *The Far Eastern Affairs*, 4, 13—26. (in Russ.).
- Malyavin, V.V. & Chen, Jiawei (2012). The democratic progressive party and the political system in Taiwan. *The Far Eastern Affairs*, 6, 118—129. (in Russ.).
- Mikheev, V. (2001). *Mainland China — Taiwan relations in the light of globalization*. The Challenges of globalization in Taiwan: Scientific. Conf. December 8, 2000; Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, p. 20—30.
- Morrison, W.M. & Kan, S.A. (2014). *U.S.-Taiwan Relationship: Overview of Policy Issues*. Congressional Research Service Report. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R41952.pdf> (accessed: 12.05.2017).
- Salitskii, A.I. (2003). China — Taiwan: prospects for economic integration. Modernization of Taiwan and the prospects of relations with PRC: Materials of Scientific Conf. IMEMO; Moscow: IMEMO of RAS, p. 49—53. (in Russ.).
- Saunders, P.C. (2005). Long-term Trends in China-Taiwan Relations: Implications for U.S. Taiwan Policy. *Asian Survey*, 45 (06), 970—991. DOI: 10.1525/as.2005.45.6.970.
- Trifonov, V.I. (2010). Beijing to Taipei: prospects for dialogue. *Modern Taiwan: the informational-analytical materials*, 11 (19), 38—54. (in Russ.).
- Vasil'ev, L.E. (2012). Southeast Asia: the United States and China — from rivalry to confrontation. In: *China in world and regional politics. History and the present. Vol. XVII*. Moscow: Institute of far Eastern studies RAS, p. 87—99. (in Russ.).
- Verchenko, A.L. (2010). The return of the Kuomintang: some results. *Contemporary Taiwan*, 11 (19), 24—37. (in Russ.).
- Verchenko, A.L. (2014). *The Fourth generation of the CPC leadership: relations across the Taiwan Straits and the position of Russia. Society and state in China: XLIV Scientific. Conf. Part 1*; Moscow: IOS of RAS, p. 281—291. (in Russ.).
- Wu, J. S.-Y. (2009). Economics, Lobbying, and U.S. Congressional Support for Taiwan: Buying American Support, 2002—2006. *Asian Survey*, 49 (02), 380—402. DOI: 10.1525/as.2009.49.2.380.

Received: 14.06.2017

For citations: Lychagin, A.I., Komarov, I.D. (2017). The Taiwan Question: External and Internal Determinants. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 530—538. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-530-538.

About the authors: *Lychagin Aleksandr Ivanovich* — Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Linguoculturology of Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (e-mail: kaf.vostok@mail.ru).

Komarov Igor' Dmitrievich — applicant of the Kazan (Privolzhsky) Federal University, engineer-laboratory assistant of the Center for Expertise and Comprehensive Analysis of the Institute of International Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, deputy director of the Institute of International Relations and World History of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (e-mail: igor.komarof@gmail.com).